

Н. С. Соханская

Повести Кохановской

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. С. Соханская**
Повести Кохановской: Том 1 / Н. С. Соханская – М.: Книга по Требованию,
2013. – 598 с.

ISBN 978-5-518-09088-0

ISBN 978-5-518-09088-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПОСЛѢ ОБѢДА ВЪ ГОСТЯХЪ.

Я, право, не помню болѣе пріятнаго послѣ-обѣда.

Амстріонъ былъ предводитель,

однако пира никакого не было. Мы просто поѣхали на лѣтній деревенскій чай...

Еще въ передней, отдавая человѣку на руки бурнусъ, я, по двумъ словамъ, долетѣвшимъ изъ зала, уже знала, о чемъ идетъ въ обществѣ разговоръ. Но съ этимъ вмѣстѣ можно было опасаться, что едва ли не сдѣлали мы непростительной неловкости... Мы попали на обѣдъ; иначе зачѣмъ бы всѣмъ этимъ женскимъ голосамъ слышаться въ залѣ?

Но я ошиблась. Обѣдъ кончился; только общество, вѣроятно застигнутое концомъ его въ самомъ жару начавшагося разговора, не захотѣло оставить своихъ мѣстъ и сидѣло за обѣденнымъ столомъ съ чашками кофе. Поданъ былъ десертъ.

— А! нѣсколько протяжно произнесла предводительша, впрочемъ съ достаточною любезностію и немножко удивленною улыбкой.

Ну, это еще ничего, подумала я.

Нѣсколько мужчинъ встало, чтобъ уступить намъ мѣста.

Наше прибытіе не могло имѣть того значенія, чтобы совершенно пріостановить разговоръ и дать ему другое направленіе. Черезъ нѣсколько минутъ разговоръ возобновился и съ тѣмъ немногимъ усиленнымъ жаромъ, который всегда бываетъ слѣдствіемъ неожиданнаго и насильственнаго перерыва. Предметъ былъ въ высшей степени занимательный для разговора въ гостиной; супруги, женившіеся по страсти—громкимъ романомъ ихъ любви наполнены были двѣ губерніи,—и вотъ не прошло трехъ лѣтъ, они разъѣхались. Одни, какъ водится, во весь гомось обвиняли жену; другіе не оправдывали мужа. Нашелся благоразумный человѣкъ, который замѣтилъ, что семейныя дѣла трудно судить. Вѣроятно, и мужъ не правъ, и жена виновата. Но этимъ мудрымъ рѣшеніемъ никто не удовольствовался. Голоса, державшіеся противоположныхъ мнѣній, были довольно равносильны, и разговоръ шелъ, не ослабѣвая, съ живымъ одушевленіемъ съ обѣихъ сторонъ. Не имѣя права подавать свой голосъ въ вопросахъ такого рода, я встала отъ стола, будто желая снять шляпку, и осталась у окна.

Занявши это выгодное мѣсто, въ верхнемъ концѣ комнаты, я могла окинуть взглядомъ все собравшееся въ ней общество. Предводитель, махнувъ рукою на застольную бесѣду, съ полнымъ числомъ партнеровъ, отправился къ бесѣдѣ вокругъ зеленого стола. Два лица въ залѣ были совершенно отдѣлены отъ прочихъ: я у окна и, по продольной стѣнѣ, подъ большимъ олеандровымъ деревомъ, сидѣвшая дама въ чепцѣ. Спиною къ этой дамѣ сидѣли двое мужчинъ, и ни одного слова, ни взгляда хозяйки не было обращено въ видѣ какого-либо вниманія, или малѣйшаго отношенія къ уединенной гостьѣ. Я хорошо понимала, что это была бѣдная мелкопомѣстная дворянка, пріѣхавшая, вѣроятно, по какому-нибудь дѣлу къ предводителю, и, разумѣется, со стороны предводительши было и того слишкомъ достаточно, что она давала ей стулъ у себя въ залѣ и еще подъ олеандромъ. Но гостья, кажется, не считала себя удовлетворенною. Повиди-

мому, ей страх хотѣлось приложить свое слово къ общему разговору. Губы у нея слегка переминались; она покашливала и посматривала на всѣхъ, не сидѣлось ей спокойно на стулѣ; но все это было напрасно. Разговоръ и безъ нея шелъ; гостю не замѣчали. Мы встрѣтились съ нею взглядами и, кажется, обѣ мы не нашли другъ въ другѣ ничего особеннаго. Не могли же мнѣ казаться особеппостями загорѣлый цвѣтъ лица помѣщицы, ея нехоленныя ручки... Женщина, у которой, можетъ быть, трое-четверо дѣтей, которая доставляетъ имъ въ потѣ лица кусокъ насущнаго хлѣба, вѣроятно, вдова (иначе бы мужъ пріѣхалъ хлопотать къ предводителю), и требовать отъ нея того же изящества тѣхъ же бѣлыхъ рукъ и нѣжнаго лица, какъ у знатной дамы, которая переходитъ отъ зеркала къ дивану и отъ дивана къ зеркалу, -- смѣшно бы было такое требованіе. И потому мнѣ вовсе не казались смѣшными ни простенькій чепчикъ помѣщицы съ лиловенькими ленточками, ни ея довольно короткое шелковое платье съ какимъ-то *спро-нльмецкимъ* отливомъ. Мое вниманіе слегка остановилось на мелкихъ, не дурныхъ чертахъ лица помѣщицы, которыя въ свое время были вѣроятно очень живы и милы. Нѣсколько времени смотрѣла я на нее такимъ образомъ, и вдругъ почувствовала, что я такая же лишняя гостя въ этомъ обществѣ, какъ и бѣдная дворянка, забытая въ углу надменной хозяйкой; мнѣ стало неловко, и мною овладѣло неопределимое желаніе уйдти куда-нибудь.

Чтобы не вдругъ оставить залъ и сдѣлать это съ большою непринужденностію, не слишкомъ замѣтно и рѣзко, я встала, будто любуясь цвѣтами, и мало-по-малу осматривая ихъ, идя и останавливаясь, я вступила въ гостиную. Я вздохнула свободнѣе, скрывшись такимъ образомъ изъ круга зрѣнія предводительши, и спокойно погрузилась въ созерцаніе прекрасныхъ фамильныхъ портретовъ, висѣвшихъ по стѣнамъ. Не знаю, долго ли простояла я въ раздумьи передъ напудренными дѣдушками и варумяненными бабушками предводителя,

но мои мысли унеслись далеко отъ чопорнаго общества, соборнаго въ сосѣдней комнатѣ, далеко отъ интереснаго разговора, долетавшаго отдѣльными словами до моего слуха.

— Она, матушка, виновата, слышала я шопоть у себя надъ ухомъ.— Тамъ, что ни говори, а гдѣ мужъ и жена не въ ладахъ—жена виновата...

Владѣя совершенно здоровыми нервами и достаточнымъ чувствомъ приличія, чтобы спокойно принять подобную нечаянность, я отклонилась немножко въ сторону и полнымъ взглядомъ смотрѣла на госпожу помѣщицу, говорившую мнѣ это.

Я еще нѣсколько прежде замѣтила, что она оставила свой стулъ подъ олеандромъ (думаю—къ великому удовольствію предводительши) и пересѣла на стулъ у самыхъ дверей гостиной; но какъ она оттуда перебралась подалѣе, вступила въ гостиную и подошла ко мнѣ, этого я, истинно могу сказать, не слыхала.

Приподнимаясь и оправляя нѣсколько раскинувшееся платье чтобы этимъ самымъ предоставить возлѣ себя мѣсто моей неожиданной собесѣдницѣ, я не могла воздержаться отъ маленькой улыбки.

— Такъ она виновата? спросила я.

— Она, матушка! сѣла, возлѣ меня, моя собесѣдница, покручивая немного головою, и начала живо пересказывать мнѣ все, что я знала и чего не знала, что слышала и не дослышала изъ разговора въ гостиной. — Свѣтъ бѣлый на томъ стоитъ, что жены мужьями мудрятъ, охъ, мудрятъ!

— Все это такъ,—давала я волю своей маленькой веселости: но извините меня, имени и отчества не знаю....

— Любовь Архиповна, подсказала помѣщица.

— Извините меня, Любовь Архиповна; но кажется не вамъ бы такія рѣчи говорить и не мнѣ бы слушать.

— Какія, матушка? спросила помѣщица, съ той безсознательной, летучей насмѣшливостію, которой такъ часто и очень мило проговаривается нашъ простой народъ. — Под-

ленно, неслыханныя рѣчи, что жена мужа на поводочкѣ ведетъ!

— Да вѣдь вы не водила вашего?

— А вамъ кто сказалъ, что не водила? перення моя живость и почти тонъ голоса, передразнила меня Любовь Архиповна.— Вотъ то-то и есть, что водила. Коли бъ не водила, то и не говорила бъ.

На такой аргументъ возражать было нечего. Я немножко примокла.

— Вотъ вы и замолчали, сказала Любовь Архиповна, заглядывая съ участіемъ мнѣ въ глаза. — А я, матушка, за цѣлые полдня намолчалась, и больше молчать не приходится... Нѣтъ-таки, вы посмотрите на меня, прибавила, трогая меня потихоньку рукою, разговорчивая помѣщица. — Какъ я вамъ показываюсь?

— Въ какомъ отношеніи? сказала я, весело смѣясь и протягивая руку къ рукѣ Любовь Архиповны, теребившей мой кисейный рукавъ.

— А, ничего. славная кисейка на васъ. По чему за аршинъ платили?.. Я все, матушка, въ томъ отношеніи, что жены мужьями мудрятъ, продолжала Любовь Архиповна. — Вы, можетъ-быть, думаете, гдѣ-то мнѣ было такой мудрости взять?

— Нѣтъ, я этого не думаю, сказала я утвердительно.

И въ самомъ дѣлѣ, взглянувъшисъ попристальнѣе въ Любовь Архиповну, въ ея живые приемы, въ легкую и частую улыбку, замѣчая невольно что-то милое, потерпѣливое, что немного выказывалось въ глазахъ и вѣроятно находилось въ характерѣ, нельзя было съ увѣренностію отрицать, чтобы у Любовь Архиповны не нашлось той мудрости, на которой бѣлый свѣтъ стоитъ.

Но вопросъ: зачѣмъ ей меня-то увѣрять въ этомъ? И что за причина такого ея одушевленія, съ которымъ она и мнѣ бы то говорила, и тамъ бы она слушала, словечка не проронила.

— Нѣтъ, моя родная, не въ могути мнѣ! молвила Любовь Архиповна, поворачиваясь такимъ порывистымъ движеніемъ, что причудливая эластическая мебель, на которой мы сидѣли, не смотря на ея англійскія пружины, русскимъ ходенемъ заходила подъ нами.

— Потихе, Любовь Архиповна. Вы надѣлаете бѣды, вынуждена была я цемного предостеречь.

— Тихости, мать моя, негдѣ взять, разводя руками отвѣчала Любовь Архиповна.—Вишь, что поеть эта большая барыня! Послушать ее, такъ во всякой вишѣ мужья виноваты; а жень бы вотъ собралъ всѣхъ, да и посажалъ подъ святыя, только бы что не молился на нихъ... Знаемъ мы про большихъ барынь! Я, матушка, и небольшая барыня, а вотъ вы послушайте-ка...

И прежде чѣмъ я хорошенько поняла, что Любовь Архиповна собирается мнѣ рассказать что-то, Любовь Архиповна уже рассказывала мнѣ:

— Было насъ у покойницы матушки трое—три, то-есть, родныхъ сестрицы: Аграфена Архиповна, Палагея Архиповна...

— Но, Любовь Архиповна, перервала я: — о чемъ это рѣчь идетъ?

— О томъ, моя сударыня, что пятница напередъ четверга не суйся. Послушаешь, узнаешь, какъ жены мужьями мудрятъ (невѣдомо, какими судьбами, Любовь Архиповна уже говорила мнѣ *ты*).

— Такъ вотъ такъ-то, подтвердила она:—было насъ три родныхъ сестрицы, и всѣ-то мы, значить, на возрастѣ; хоть сейчасъ трехъ разомъ подъ вѣнецъ веди и всѣхъ насъ матушка за одинъ ряженный столъ сажай. — изъ малолѣтокъ вышли. Ну, намъ-то веселье, разливанное море, пѣсни да затѣи. Чуть матушка покойница ногой переступила за порогъ, ужъ двѣ изъ насъ пѣсни поютъ и въ щелчки прищелкиваютъ, а третья въ пляску идетъ — веселись душа, пока жизнь хороша.. Такъ-то, присказала Любовь Архи-

повна.—И не велчекъ домикъ былъ, да веселья дѣвичьяго много.

— Большое веселье, Любовь Архиповна, что вы украдкой напоетесь и напляшетесь, пока матушки дома нѣтъ. А вы хорошо плясали? спросила л.

— А какъ ты изволишь думать? въ свою очередь живо спросила Любовь Архиповна, заглядывая мнѣ со стороны въ глаза.—Такъ-то хорошо, душа моя, что я теперь, вспоминаячи, не грѣхъ добрымъ людямъ сказать: заподлинно, матушка, хорошо.

Почѣму то моей собесѣдницѣ очепь пришлась по сердцу маленькая моя улыбка. Она привѣтливо кивнула на меня головою.

— Вотъ послушай, сударыня моя, сказала она.—Это вы нынче стали такія тонныя да маперцыя, молодыя барышни, что безъ разныхъ прикрасъ и затѣй и веселья вамъ молодого нѣту. Смѣтесь вы и будто не смѣтесь, Христокъ съ вами! Сказать бы — и кровь-то молодая забыла играть въ васъ. Ни плеску, ни той-то радости, ни заливнаго голосу веселаго — пѣсни, чтобъ за сердце брала, не слышать въ васъ!

— Что дѣлать, Любовь Архиповна, не весело живется.

Любовь Архиповна встала грозой на меня.

— А какой вамъ жизни еще надобно? Что, вы больше нашего боитесь, или слушаетесь матерей своихъ? Иль сказать бы вамъ, бѣднымъ, повеселиться некогда: работой вы завалены съ утра до ночи?.. Какъ же! И Любовь Архиповна потянула меня за рукавъ.—Небось, вотъ платьеце, а ты къ нему ручки не приложила. Все нынче на васъ швец да мадамы шьютъ. Такъ что жъ вы дѣлаете, коли и этого женскаго дѣла, юпки, не сработать вамъ?

Я хотѣла было очень живо возражать, но Любовь Архиповна еще живѣе остановила меня.

— Постой, матушка, обожди говорить... Не весело вшь живется вамъ! А кабы ты пожила, хоть бы примѣромъ сказать, у моей матушки-покойницы, не тѣмъ будь помянута.

Одно слово, что Курская была. Ходи по стрункѣ, да и оглядывайся. Досушая была,—такъ я и не знаю, гдѣ бы того досуства взять. Ни мипуточки она не сгуляетъ; а намъ-то, думаешь, гульба была? Коли и платьеце какое купили, такъ матушка звать того не знаетъ, когда ты будешь кроить ли, шить ли его; ей до того дѣла нѣтъ. «Дѣвка на возрастѣ найдетъ себѣ время нарядиться», говаривала покойница. А ты изо дня въ день кружево плети да плети, греми коклюшками, чтобъ ихъ нелегкая взяла!.. А вотъ веселились же! Тотчасъ послѣ нелегкаго поминанья коклюшекъ, весело и живо улыбулась мнѣ Любовь Архиповна. — Купянку изволишь знать?

— Какъ же! отвѣчала я.—Уфадный городъ, хотя нѣскольکو иначе называется.

— Городъ ли, деревня, въ мое время бывало не сразу разберешь; только потому будто и признаешь за городъ, что бабы на улицахъ бублики продають. Ну, да все же, душа моя, городъ,—съ свѣтлымъ какимъ-то умилеиємъ сказывала Любовь Архиповна.—Церкви Божіи на красу стоять все каменные да пятиглавыя; яблоки подъ крестами, какъ одно, всѣ золоченыя. Не чаешь дожидаться праздничка Господня; а какъ дождешься-то его, да колокола загудуть, народъ валомъ повалить въ церкви и сама-то идешь между народу, вырядившись: платьеце на тебѣ цвѣтное, да береженое; матушкины большія серьги въ ушахъ, да еще какъ угораздишь алую ленту вокругъ головы положить и бантомъ съ боку пустить—фу, ты, душа моя! Кажется, что краше-то тебя, молодой, и во всемъ мірѣ нѣтъ! Идешь, земли подъ собою не слышишь.

— Ахъ, моя милая Любовь Архиповна! сказала я.

— Вотъ то-то и есть, что милая, сказала она.—Послѣ обѣдни выйдешь на паперть, такъ это благочинно, тихо; остановишься на крылечкѣ съ подругами поговорить. Говоришь, будто и не глядишь никуда; а видишь, что судейскіе молодые господа на тебя всѣ глаза просмотрѣли. Пой-